

ор 22.9
и 90

И С Т О Р И Я И
И Л О С О Ф И Я
А У К И

Выпуск 2

Оренбург 2001

НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ПО ИСТОРИИ И ФИЛОСОФИИ НАУКИ И
ТЕХНИКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
Южно-Уральское отделение

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ОРЕНБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

*Посвящается памяти доктора философских
наук, профессора, заведующего кафедрой фи-
лософии и культурологии Оренбургского госу-
дарственного педагогического университета
Мячина Юрия Николаевича*

ИСТОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

Сборник научных статей

Выпуск 2

Издательство ОГПУ
Оренбург 2001

Оренбургская областная научная
библиотека им. Н. К. Крупской

Г. П. Матвиевская

ОРЕНБУРГ И ОТЕЧЕСТВЕННОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА¹

С момента своего основания Оренбург — как город-крепость на границе между Европой и Азией — стал центром практического востоковедения, служившего задачам внешней политики и торговли России со странами Востока.

В этом направлении здесь многое было сделано такими известными государственными и военными деятелями, первыми исследователями Оренбургского края, как И. К. Кирилов (1689 — 1737), В. Н. Татищев (1686 — 1750), И. И. Неплюев (1693 — 1773), П. И. Рычков (1712 — 1777) и др. Они уделяли большое внимание изучению географии сопредельных с Россией восточных государств, освоению языков народов, населявших эти государства, ознакомлению с их характером и бытом. Открывались школы переводчиков восточных языков, снаряжались экспедиции, которые доставляли ценнейшие для востоковедения сведения об этих, тогда еще неизведанных краях.

Одновременно в Оренбурге возник интерес и к вопросам научного востоковедения. Это направление в изучении Востока, которое включает филологию и дисциплины, связанные с исследованием памятников литературы, истории, религии, философии восточных народов, сформировалось в России в конце XVIII в. и впоследствии наиболее успешно развивалось в Петербурге, Москве и Казани.

Проблемы научного востоковедения возникали перед оренбургскими начальниками естественно, в ходе практической работы по управлению краем. Например, В. Н. Татищев, выдающийся ученый, который сам знал восточные языки и интересовался историей и культурой Востока, во время пребывания начальником Оренбургской комиссии (1737 — 1739) стал инициатором создания русско-татарско-калмыцкого словаря и положил начало систематическому собиранию восточных рукописей и переводу исторических сочинений на рус-

¹ Исследование проводится при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект 00-03-00221).

ский язык. Эту работу затем продолжали П. И. Рычков и работавшие в Оренбурге переводчики.

В XIX в. стала очевидной необходимость углубленного изучения жизни и культуры восточных соседей России, общение с которыми велось через созданную в 1799 г. Оренбургскую Пограничную комиссию. Поэтому для службы здесь привлекались первоклассные специалисты по Востоку, в том числе В. В. Григорьев (1816 — 1881), П. И. Демезон (1807 — 1873), Я. В. Ханыков (1818 — 1862), Н. В. Ханыков (1819 — 1878), соединявшие в себе практиков-дипломатов и ученых-исследователей. Вопросы изучения Востока играли не последнюю роль при организации в 1924 г. в Оренбурге Неплюевского военного училища (с 1844 г. — кадетский корпус), которое стало одним из первых учебных заведений такого рода с предусмотренным программой изучением восточных языков.

В Государственном архиве Оренбургской области (ГАОО) имеется много не обнародованных до сих пор документов, которые свидетельствуют о значительном вкладе Оренбурга и оренбуржцев в развитие отечественного востоковедения. Ниже приводится обзор двух архивных дел, датированных 1830 — 1832 гг., т.е. относящихся ко времени правления оренбургского военного губернатора Павла Петровича Сухтелена (1788 — 1833).

«Желая приобрести для Оренбурга отличного ориенталиста...!»

Первое дело (ГАОО, ф. 6, оп. 10, № 3666) озаглавлено: «О приглашении в Оренбургский край на службу ориенталиста де Мезона». Речь в нем идет о начальном периоде деятельности известного востоковеда и дипломата Петра Ивановича Демезона (1807 — 1873). Окончив Петербургский университет со степенью кандидата восточной словесности, которая присваивалась выпускнику, представившему диссертацию, он с 1829 г. преподавал в Казанском университете. В 1831 г. начал службу в Оренбурге, в 1833 — 1834 гг. совершил дипломатическую поездку в Бухару, а в 1836 г. был назначен профессором Учебного отделения при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел и переехал в Петербург, где сочетал преподавательскую работу с дипломатической.

Рассматриваемое архивное дело, начатое 24 августа 1830

года, освещает обстоятельства перехода П. И. Демезона на службу в Оренбург. Оно свидетельствует также об огромном внимании П. П. Сухтелена к кадрам востоковедов, работавших в Оренбургской пограничной комиссии, и о его высоких требованиях в отношении квалификации преподавателей восточных языков Неплюевского военного училища.

Дело открывается письмом П. П. Сухтелена попечителю Казанского учебного округа М. Н. Мусину-Пушкину от 25 августа 1830 г. (л. 1—2), которое начинается словами: «Желая приобрести для Оренбургского края отличного ориенталиста и полагая, что г. де-Мезон, обучавшийся у г. Фрейна в С.-Петербурге, усовершенствовавшийся после того в Казани, желает служить в сем крае, я обращаюсь к Вашему превосходительству с покорнейшею просьбою, не благоугодно ли будет определить г. де-Мезону следующие условия, на каковые я ототчас могу его определить».

П. П. Сухтелен предлагает молодому востоковеду «состоять при Неплюевском военном училище для преподавания восточных языков и особенно для надзора за методою обучения и прилежанием настоящих учителей, по каковому званию он может получать 1200 рублей в год жалования». Одновременно ему предлагается занять должность «драгомана», т.е. переводчика при канцелярии военного губернатора «с производством жалования если не свыше, то и не менее 1000 рублей». При желании он сможет занять в скором времени освобождающееся место старшего переводчика при Оренбургской Пограничной комиссии с жалованием 1500 рублей.

Несколько ниже (л. 13) П. П. Сухтелен замечает, что такое лестное предложение он сделал, «известившись, что в Казанском университете находится кандидат восточной словесности Де Мезон, обучавшийся оной с отличным успехом». Другими словами, вопрос о приглашении Демезона в Оренбург решался с учетом его высокого профессионализма, который ему предстояло проявить как в практической работе при Пограничной комиссии, так и в преподавании восточных языков в Неплюевском училище, повысив уровень подготовки военных переводчиков.

В ответном письме от 25 сентября 1830 г. (л. 3) М. Н. Мусин-Пушкин уведомляет П. П. Сухтелена о том, что он направил министру народного просвещения представление «об увольнении Де Мезона вовсе из учебного ведомства» для его определения в Оренбург, а 12 ноября сообщает (л. 4), что со-

гласие министра получено. При этом отмечается, что, переходя в ведомство Сухтелена, Демезон должен «прослужить там шестилетний, законом назначенный для казенных воспитанников срок».

21 января 1831 г. П. П. Сухтелен, подтвердив прежние условия, просит распорядиться «об отправке сюда г. кандидата Де Мезона» (л. 5). По получении этого письма М. Н. Мусин-Пушкин «предложил Совету Казанского университета отправить кандидата Де Мезона в Оренбург... для определения на службу», о чем сообщает в письме от 31 января 1831 г. (л. 6).

Далее в деле фигурирует документ, подписанный ректором Казанского университета Николаем Ивановичем Лобачевским (1792—1856). Выдающийся русский математик, создатель неевклидовой геометрии, он занимал ректорскую должность в течение долгих лет и сыграл важную роль в организации высшего образования в России. Ему принадлежит также большая заслуга в превращении Казанского университета 30—50-х годов девятнадцатого века в крупный востоковедческий центр, располагавший богатейшим собранием восточных книг и рукописей и готовивший превосходных специалистов.

21 февраля 1831 г. Н. И. Лобачевский, принимавший, видимо, немалое участие в судьбе Демезона, направил П. П. Сухтелену письмо следующего содержания (л. 7):

«Господину Оренбургскому военному генерал-губернатору.

По распоряжению высшего Училищного начальства кандидат восточной словесности Казанского университета Демезон назначен по разрешению господина министра народного просвещения к занятию двух должностей в ведении Вашего сиятельства.

Правление Казанского университета, удовлетворив г. Демезона заслуженным жалованием по 24 сего февраля, сообщило к г. Казанскому гражданскому губернатору о выдаче г. Демезону подорожной от Казани до Оренбурга на две лошади по казенной надобности, имеет честь уведомить о сем Ваше сиятельство, присовокупляя к тому, что нужные сведения для составления послужного списка г. Демезона будут вслед за ним доставлены.

Ректор университета
Николай Лобачевский».

При отъезде из Казани Демезон получил от М. Н. Мусина-Пушкина два письма для передачи П. П. Сухтелену —

официальное и личное. В официальном, датированном 6 марта 1831 г. (л. 9), он уведомляет Оренбургского военного губернатора о выдаче Демезону денег «на экипировку» и «на прогоны от Казани до Оренбурга», выплаченных «из сумм университета, на сей предмет положенных, ... заимообразно на счет Неплюевского училища», и просит возвратить их правлению Казанского университета.

Личное же письмо (л. 8) выдержано в совершенно ином стиле и свидетельствует о том, что в Казанском учебном округе к Демезону относились не формально и беспокоились о дальнейшей судьбе талантливого востоковеда:

«Милостивый государь граф Павел Петрович!

Податель сего кандидат Казанского университета Демезон определен, согласно желанию Вашего сиятельства, в Неплюевское училище. Считаю Моей обязанностью просить покорнейше Вас, милостивый государь, почтить сего молодого человека благосклонным Вашим покровительством. Я смею надеяться, что г. Демезон своим усердием и благородным поведением, конечно, оправдает мое о нем представительство.

С совершеннейшим почтением и истинной преданностью
быть честь имею

Попечитель Казанского учебного округа

Михаил Мусин-Пушкин

5 марта 1831, Казань».

В архивном деле на листах 10—12 находится официальная переписка П. П. Сухтелена о переводе в Казанский университет денег, выданных там перед отъездом Демезону, а на листах 13—14 — документы, которыми оформлялось его устройство в Оренбурге. П. П. Сухтелен хотел видеть его прежде всего в штате Оренбургской пограничной комиссии и после освобождения вакансии переводчика направил 3 сентября 1831 г. в эту Комиссию следующее письмо:

«Известившись, что в Казанском университете находится кандидат восточной словесности Де-Мезон, обучавшийся с отличным успехом, я имел сношение с начальством Казанского университета о приглашении его занять место учителя в Неплюевском военном училище персидского и арабского языков и переводчика по здешнему Пограничному управлению. По изъявленному им на сие согласию вследствие разрешения г. министра народного просвещения Де-Мезон назначен к занятию означенных двух должностей; для чего

прибыл сюда в марте месяце текущего года и упражняется с того времени как переводом бумаг по моему поручению, так и обучением воспитанников Неплюевского училища. Почему предлагаю Пограничной комиссии зачислить кандидата Де-Мезона в штат ее на вакансию переводчика...».

Предлагается при этом сохранить ему жалование по Неплюевскому училищу.

Аналогичное письмо было направлено в Комитет Неплюевского училища, который, по-видимому, был иного мнения на этот счет. Об этом говорит рапорт П. П. Сухтелену от директора училища Г. Ф. Генса (л. 16—17), датированный 26 ноября 1831 г., в котором, в частности, заявлено: «...Комитет Неплюевского военного училища, усматривая из сих бумаг, что г. Де-Мезон вызван Вашем сиятельством главнейше для преподавания наук в Неплюевском военном училище и находя необходимым, чтобы он состоял в зависимости Комитета, потому что занятия его по училищу сопряжены с точным соблюдением определенных на то часов, имеет честь покорнейше просить Ваше сиятельство, не благоугодно ли будет приказать, чтобы он считался определенным в звание Старшего учителя при сем заведении, занимаясь при этом переводом бумаг по пограничному управлению».

Видимо, доводы Г. Ф. Генса убедили П. П. Сухтелена. Поскольку оказалось, что Демезон не имеет необходимого для зачисления на должность старшего учителя чина 9 класса (л. 15), 30 ноября он издал распоряжение Комитету Неплюевского военного училища: считать Демезона в звании учителя персидского и арабского языков «со времени преподавания им сих языков» (л. 18). Об этом назначении П. П. Сухтелен сообщал Совету о военно-учебных заведениях в рапорте от 2 декабря 1831 г. (л. 20).

Архивное дело завершается перепиской П. П. Сухтелена с правлением Казанского университета, которая содержит второй документ с личной подписью Н. И. Лобачевского.

После окончательного определения основного места службы П. И. Демезона встал вопрос о составлении его послужного списка и выполнения других необходимых формальностей. В письме от 2 декабря 1831 г. (л. 19), адресованном правлению Казанского университета, П. П. Сухтелен напоминает об обещанных 26 февраля «нужных сведениях для составления послужного списка г. Де-Мезона». «Но как таковые сведения ко мне не присланы, пишет он, то покорнейше

прошу доставить оных за отсутствием моим к исправляющему должность начальника штаба Отдельного Оренбургского корпуса г. генерал-майору Мистрову, от коего они будут отправлены в те места, где г. Де-Мезон на службе находится».

В ответном письме из Казанского университета, подписанном 9 декабря 1831 г. Н. И. Лобачевским (л. 21), значится:

«Господину Оренбургскому военному генерал-губернатору.

Правление Казанского университета, препровождая у сего свидетельство на степень кандидата восточной словесности находящегося на службе в ведомстве Вашего сиятельства Де-Мезону, имеет честь объяснить, что других сведений, относящихся к службе Де-Мезона, в делах университета не находится, а также не видно и того, чтобы Де-Мезон присягал на верноподданность России.

Ректор Университета
Николай Лобачевский».

На письме — резолюция: «Привести Де-Мезона к присяге на верность России и взять подписку по обыкновенной форме, не принадлежит ли он к какому-либо тайному обществу».

Официальное распоряжение по тексту этой резолюции Комитету Неплюевского военного училища было сделано 22 декабря 1832 г. (л. 22). Одновременно направлялась просьба препроводить в Оренбургскую Пограничную комиссию копию свидетельства на степень кандидата восточной словесности, «потому что Де-Мезон состоит и там на службе».

«Книга Оренбургского муфтия»

Второе дело (ГАОО, ф. 6, оп. 10, № 3923), озаглавленное «О доставлении к ориенталисту Френу реестра книгам, имеющимся у Оренбургского муфтия», касается переписки П. П. Сухтелена с академиком Х. Д. Френом (1782—1851) — выдающимся арабистом, тюркологом, нумизматом.

Уроженец Ростка, получивший образование в Ростокском, а затем в Геттингенском и Тюбингенском университетах, Христиан Данилович (Христиан Мартин) Френ в 1807 г. был приглашен в Казань, где был утвержден ординарным профессором университета по открывшейся в это время кафедре восточных языков. Он проработал здесь десять лет, а в 1817 г., став академиком, переехал в Петербург и возглавил

Азиатский музей — научный востоковедческий центр Петербургской Академии наук, в котором были объединены принадлежавшие ее учреждениям коллекции восточных рукописей, книг, монет, предметов этнографии, археологических находок и т.д.

Х. Д. Френ занимался пополнением этих коллекций и отдал много сил каталогизации и описанию рукописей. Он пропагандировал труды средневековых восточных ученых как источники, полезные для изучения истории России, и опубликовал список сочинений на арабском и персидском языках, «недостающих в европейских библиотеках», которые рекомендовалось приобретать в поездках по странам Востока.

В связи с этими работами Х. Д. Френ обратился в 1832 г. к П. П. Сухтелену с просьбой помочь ему в получении описи восточных рукописей из библиотеки Оренбургского муфтия Габдусалима Габдурахимова, жившего в Уфе. О том, что военный губернатор, откликнувшись на эту просьбу, писал муфтию, свидетельствует имеющееся в рассматриваемом деле ответное письмо последнего, датированное 14 июля 1832 г. (л. 1).

Муфтий сообщает П. П. Сухтелену о получении переданной ему «книги, печатанной на турецком диалекте, под названием Хана Абдулгазыя Багадыр Хана» и в цветистых выражениях благодарит за подарок. Имеется в виду произведение известного хивинского историка XVII в. Абу-л-Гази «Родословная тюрок», вызвавшее большой интерес востоковедов и изданное Х. Д. Френом в 1825 г. по рукописному тексту. По-видимому, он прислал книгу П. П. Сухтелену для вручения Оренбургскому муфтию.

Далее муфтий пишет, что отправляет составленный по просьбе П. П. Сухтелена список 78 книг на арабском и персидском языках. На письме значится резолюция: «Регистр его книгам, когда поступит, мне вручить для отправки г. академику Френу».

Этот список (л. 2—4), по-видимому, поступил в канцелярию позднее. Среди перечисленных в нем книг, большей частью посвященных мусульманскому богословию, имеются и сочинения естественнонаучного содержания. В их числе — знаменитый «Канон медицины» великого восточного ученого-энциклопедиста Абу Али ибн Сины (980—1037), который был известен в средневековой Европе как Авиценна.

Интересно отметить присутствие в списке нескольких ас-

трономических трактатов. Это анонимный комментарий к популярному на Востоке сочинению об астрономии хорезмийского ученого XIII в. Махмуда ибн Мухаммада ал-Джагмини, или Чагмини, трактат «Разъяснение небесных сфер» известного математика и астронома Баха ад-Дина Амили (1547—1622), три сочинения о правилах пользования некоторыми астрономическими инструментами: «Разъяснение трактата о действиях с синус-квадрантом», «Трактат о действиях с альмукантаратным квадрантом», «Упорядоченный трактат об инструменте, называемом астролябией» и др.

Далее в деле следует письмо П. П. Сухтелена академику Х. Д. Френу от 3 августа 1832 г.:

«Милостивый государь Христиан Данилович!

Оренбургский Муфтий Габдулсалим Габдрахимов доставил ко мне реестр имеющихся у него книг на восточных языках. Полагая, что реестр сей может интересовать Ваше превосходительство, я препровождаю к Вам, милостивый государь, копию с оного, присовокупляя к тому, что книги находятся у Муфтия и если Вы которую-нибудь из них желаете прочесть, то я полагаю, что Его Высочество охотно снабдит оною на время.

С истинным почтением и преданностью имею честь быть
граф П. Сухтелен».

По-видимому, ознакомившись со списком, Х. Д. Френ захотел воспользоваться этим предложением и получить «на время» какие-то книги, но, к несчастью, муфтий осенью 1832 г. скончался. Последовали розыски оставленной им библиотеки, но к чему они привели, из рассматриваемого дела узнать не удастся.

«Бухарская книга, найденная Далем»

Внимание к востоковедению в Оренбурге в последующие годы, в период, когда после смерти П. П. Сухтелена пост военного генерал-губернатора занял В. А. Перовский (1795—1857), значительно возросло. Это было связано с внешней политикой России в Средней Азии и касалось, конечно, в первую очередь практического востоковедения. Однако проблемы, возникающие в этой области, часто трудно отделить от тех, которые исследуют ученые — филологи, историки, этно-

графы, археологи и др. Поэтому работавшие в эти годы в Оренбурге востоковеды, переводчики и просто чиновники смогли внести немалый вклад и в научное востоковедение.

В этой связи заслуживает внимания важная находка, сделанная замечательным писателем и ученым В. И. Далем (1801—1872), который служил в Оренбурге при В. А. Перовском. Им была обнаружена и передана в Петербургскую Академию наук рукопись сочинения известного хивинского историка XVII в. Абу-л-Гази «Родословная тюрок» (или «Родословное дерево тюрок»).

Впервые этот труд стал известен востоковедам в XVIII в. благодаря шведу Ф.-И. Страленбергу (1696—1747), который был взят в плен во время Полтавской битвы, до 1721 г. жил в Тобольске и принимал участие в знаменитой сибирской экспедиции Д. Г. Мессершмидта (1685—1735). В Тобольске он приобрел рукопись сочинения Абу-л-Гази («от бухарцев») и организовал ее перевод на русский язык, а затем с русского на немецкий (2, с. 48). Этот перевод изучали В. Н. Татищев и П. И. Рычков (1, с. 52). Одну из глав «Родословной тюрок» перевел на латинский язык член Петербургской Академии наук востоковед Г. З. Байер (1694—1738) (2, с. 53). Другому петербургскому востоковеду Г. Я. Керу (1692—1740) принадлежит перевод сочинения с чагатайского на немецкий язык (2, с. 66).

В XVIII в. был опубликован также перевод «Родословной тюрок» на французский язык: вначале он был переведен устно бухарским ахундом на русский язык и записан русским писцом; этот перевод, впоследствии утерянный, использовал швед Шенстрем, положив его в основу своего немецкого перевода (опубликован в 1780 г.), с которого был сделан французский перевод (2, с. 73). Интересно, что благодаря известному писателю и государственному деятелю В. К. Тредиаковскому (1703—1769) опять появился русский текст «Родословной тюрок» — выполненный им перевод с французского (3).

Сочинение Абу-л-Гази занимало почетное место в коллекции восточных рукописей Азиатского музея Петербургской Академии наук. Академик Х. Д. Френ, описывая эту коллекцию в 1819 г., упомянул «переводы Турецкого родословного дерева Абу-л-Газия» (2, с. 143; 4, с. 101), а в 1825 г. с помощью адъюнкта восточной словесности Казанского университета Ибрагима Хальфина издал оригинальный текст рукописи (2, с. 199—200). Обнаруженная В. И. Далем в Орен-

бурге новая рукопись «Родословной тюрок» Абу-л-Гази была исследована П. И. Демезоном. О результатах он сообщил в письме к Х. Д. Френу, которое опубликовано в 4-ом томе «Научных бюллетеней Академии наук» в 1838 г. под заглавием: «Рукопись арабской Генеалогии тюрок Абу-л-Гази, посланная г. Далем из Оренбурга и проанализированная г. Демезоном в письме, адресованном г. Френу» (5). Х. Д. Френ отметил это ценное приобретение Азиатского музея в статье, помещенной в том же научном издании (6).

Значительно позднее, в 1871—1874 гг., П. И. Демезон, получивший к тому времени известность как дипломат и ученый, издал сочинение Абу-л-Гази во французском переводе с исчерпывающими комментариями. Первый том, содержащий текст, вышел в Петербурге в 1871 г., второй — с переводом и комментариями — в 1874 г. (?).

Оренбургский период жизни П. И. Демезона — это время становления востоковеда, ученого и практика. Важнейшим для него событием стало путешествие в Бухару, куда он был отправлен с караваном в 1834 г. В. А. Перовым по согласованию с министерством иностранных дел для установления дипломатических связей с бухарским эмиром. Эта поездка, важная с политической точки зрения, дала П. И. Демезону материал для описания Бухары, которая тогда была еще фактически неизвестна европейцам (8).

В Государственном архиве Оренбургской области хранятся материалы, позволяющие составить полное представление об обстоятельствах поездки П. И. Демезона в Бухару и вообще о раннем периоде деятельности исследователя, чье имя занимает почетное место в ряду имен отечественных востоковедов.

Список использованной литературы

1. Матвиевский П. Е., Ефремов А. В. Петр Иванович Рычков (1712—1777). — М.: Наука, 1991.

2. История отечественного востоковедения до середины XIX века / Под ред. Г. Ф. Кима и П. М. Шаститко. — М.: Наука. Главная редакция вост. лит.-ры, 1990.

3. [Тредиаковский В. К.] Родословная история о татарах, переведенная на французский язык с рукописных татарских книги сочинения Абдулгази-Баядур-хана и дополненная великим числом примечаний достоверных и любопытственных о прямом нынешнем состоянии Северных Азии с потребными географическими ландкарта-

ми, а с французского на русский в Академии наук В. Тредиаковским. Т. 1—2. — СПб., 1768.

4. Ливотова О. Э., Португаль В. Б. Востоковедение в изданиях Академии наук (1726—1917): Библиография. — М.: Наука. Главная редакция вост. лит-ры, 1966.

5. [Desmaisons J. J.-P.] Manuscrit de l'arabe généalogie des turks, par Abul-Ghâzi, envoyé l'Academie par M. Dahl à Orenburg et analysé par M. Desmaisons dans une lettre adresée à M. Fraehn // Bull. sci. — 1838. — T. IV. — № 15. — Col. 229—234.

6. Fraehn Ch.-M. Acquisitions du Musée Asiatique // Bull. sci. — 1838. — T. IV. — № 12. — Col. 186—192.

7. [Desmaisons J. J.-P.] Histoire des mogols et des tatares par Abul-Ghâzi Béhador Khan. Publiée, traduite et annotée par Desmaisons. T. I—II. St.-Pbg., 1871—1874.